

Чжун Даонань медленно опустил руку и тихо произнес:

— Прости... за то, что оставил тебя на горе, и ты оказался в опасности. И за те дни, когда ты был один в картине Шанью.

После этих слов Сяо Шитоу, который слегка расстроился из-за того, что Чжун Даонань убрал палец, вдруг замолчал.

Сяо Шитоу все еще был камнем, у него не было ни лица, ни рук, ни ног. Чжун Даонань не мог понять его мысли по внешнему виду, и их общение в основном происходило через «голос».

Теперь, когда Сяо Шитоу вдруг замолчал, Чжун Даонань немного занервничал.

Через некоторое время Сяо Шитоу наконец заговорил:

— Все в порядке.

Чжун Даонань поднял глаза и внимательно посмотрел на камень перед собой, хотя он не мог увидеть ничего на его твердой поверхности.

— Все в порядке...

Голос Сяо Шитоу снова стал таким же радостным, как обычно.

— Я знаю, что А-Нань очень-очень беспокоился обо мне, и А-Нань обязательно меня спас.

Когда Сяо Шитоу только попал в картину Шанью, он действительно был очень напуган и взволнован.

Внутри картины было очень некомфортно, все было темно, ничего нельзя было увидеть, и тело не могло двигаться. Он мог только слышать звуки снаружи, но даже они казались далекими и неясными.

Как бы Сяо Шитоу ни звал, А-Нань не слышал его, и он не мог ничего сделать. Он мог только снова и снова использовать свои слабые силы, чтобы применять маленькие заклинания, которым научился у А-Наня.

Даже если это было совсем немного, он надеялся, что что-то изменится.

Время тянулось мучительно медленно, и Сяо Шитоу действительно почувствовал, что значит «день как год». Особенно когда он услышал, как А-Нань снаружи разговаривает с камнем, который, казалось, притворялся им, используя нежный голос.

В тот момент Сяо Шитоу почувствовал, что вот-вот разобьется, боль пронзила его изнутри.

Это было похоже на то, как он впервые обрел сознание, когда молния ударила в него. Многие камни вокруг него были разбиты молнией, и он тоже чувствовал сильную боль. Но тогда он еще мало что понимал, и его мысли были неясными. Он просто чувствовал боль, такую сильную, что он даже перестал ощущать свое существование.

Но в конце концов он пережил эту боль и обрел сознание.

Заключенный в картину, Сяо Шитоу успокаивал себя, что А-Нань обязательно узнает, что тот камень не настоящий, и продолжал использовать заклинания и техники, которым научил его

А-Нань.

Раньше Сяо Шитоу не мог правильно применять эти техники, но в такой среде они начали работать. Он даже перестал ощущать течение времени. Когда он снова «осознал» свое существование, он обнаружил, что все вокруг выглядит совсем иначе.

Его тело все еще было в картине, но его глаза, казалось, могли видеть сквозь свиток, и он увидел многое, чего раньше не замечал.

Хотя снаружи действительно был камень, очень похожий на него, А-Нань не относился к нему так же внимательно и нежно, как к Сяо Шитоу.

А-Нань не гулял с тем камнем, не читал ему книги, и самое главное, не мыл его.

Тот камень был брошен в углу комнаты, как обычный камень, и А-Нань даже не смотрел на него.

Увидев это, Сяо Шитоу почувствовал себя очень счастливым, но вскоре снова стало грустно.

Но на этот раз он не переживал и не грустил за себя, а за А-Наня.

Сяо Шитоу заметил, что А-Нань сильно изменился.

Он стал гораздо более замкнутым, как холодная мертвая вода, и в его глазах не было никакой живости. Когда он открывал глаза, казалось, он не смотрел на мир, словно ничего не видел. Или, возможно, то, что он видел, не могло проникнуть в его сердце.

А-Нань... был страшно холодным.

Этот холод исходил из его души, и он заставлял других хотеть отстраниться.

Много дней подряд Сяо Шитоу даже не слышал, чтобы А-Нань что-то говорил. А-Нань больше не разговаривал с тем камнем, как в первый день, не было никакого общения.

Когда А-Нань выходил, он доставал из одежды черепаший панцирь. Сяо Шитоу знал, для чего это было — А-Нань говорил, что это для гадания. И еще кое-что... А-Нань постепенно искал любые следы, связанные с ним, и даже обнаружил, что Цин Гуй был под контролем.

На поверхности А-Нань вел себя как обычно, но Сяо Шитоу замечал мелкие детали, которые говорили о многом.

А-Нань понял, что тот камень — не он... А-Нань искал его...

Когда Сяо Шитоу осознал это, в его сердце появилось тепло, и вся боль последних дней исчезла.

Он хотел что-то сказать А-Наню, но А-Нань все еще не слышал его.

Хотя А-Нань говорил меньше, Сяо Шитоу видел его боль, А-Нань страдал из-за его исчезновения.

Когда человек чувствует боль и печаль, и понимает, что кто-то другой переживает за него, эта боль кажется уходит. Сяо Шитоу хотел обнять А-Наня, но не мог. И он мог видеть внешний мир лишь ограниченное время, и вскоре снова оказался в темноте картины.

Но теперь он не боялся и не волновался, его сердце успокоилось.

Он тихо ждал в картине, и совсем скоро А-Нань спас его.

Если бы у Сяо Шитоу было лицо, в тот момент, когда он снова увидел А-Наня, на нем была бы очень мягкая улыбка, и он хотел бы обнять его.

Но без рук Сяо Шитоу смог только изо всех сил броситься на Чжун Даонаня.

Картина, как огромный камень «бросается» на человека, выглядела действительно ужасающе, даже если этот человек был культиватором.

К счастью, Чжун Даонань обладал невероятной силой и легко поймал взволнованного Сяо Шитоу.

А «бросок» для Сяо Шитоу, который обычно с трудом передвигался, был настоящим подвигом. По сравнению с этим, катиться было гораздо проще.

— Я никогда не винил А-Наня... Я знаю, что А-Нань очень старался найти меня, и... А-Нань не обманулся другим камнем, понял, что это не я, Сяо Шитоу очень рад...

Это событие могло бы напугать Сяо Шитоу и даже оставить психологическую травму.

Но теперь, вспоминая те моменты, когда он был внутри артефакта, и то теплое чувство счастья, которое казалось, могло его растопить, Сяо Шитоу не чувствовал страха, а лишь счастье.

Он был совсем не таким, как другие камни в этом мире.

Он был камнем, о котором заботились, которого любили, за которого переживали и беспокоились.

Очень счастливый камень...

Каждое утро Сяо Шитоу просыпалось с чувством сладости.

После долгого пути они с А-Нанем начали встречать людей.

Большинство из них были путниками с поклажей, и, видя, что Чжун Даонань не похож на обычного человека, никто не пытался заговорить с ним. Сяо Шитоу лишь мельком смотрел на тех, кого они встречали, и не говорил ничего.

Так продолжалось, пока Сяо Шитоу не увидел старика.

Это был темнокожий мужчина с множеством старческих пятен на лице, худой, сгорбленный.

Его седые волосы были собраны в маленький пучок на голове, а на подбородке были короткие белые усы. Его глаза были мутными, а на плечах он нес коромысло с двумя ведрами воды.